

ГЛАВА III

ПРИМЕНЕНИЕ БУЛЛ И НЕКОТОРЫЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ

Академик И. А. Орбели в одном из своих трудов весьма метко охарактеризовал роль сасанидских гемм. Он писал: «Реальные камни в сасанидском быту должны были быть очень распространены: печати имели там самое широкое применение и в быту государственном, на официальных грамотах, скреплявшихся царской печатью с изображением кабана, и на письмах и посланиях частных лиц, и в домашнем быту, как гарантия неприкосновенности помещения»¹.

Сотни булл, обнаруженных во время раскопок последних десятилетий на территории сасанидского Ирана и соседних с ним стран, являются ярким свидетельством той роли, которую играли печати в тот период. Армянские и иноязычные историки и письменные источники иного типа содержат многочисленные свидетельства об утверждении разного рода документов и сделок, которые были связаны как с государственной перепиской, так и с судебными, дарственными, личными, торговыми и прочими делами. В этой связи надо особо отметить Сасанидский судебник и сирийский законник VI в.—юридический сборник Ишобохта². Одинаковая форма утверждения документов равным образом применялась в светской и духовной жизни страны.

¹ И. А. Орбели, Сасанидское искусство, Избранные труды, Ереван, 1963, с. 290.

² См. Сасанидский судебник; Н. Пигулевская, Сирийский законник, Ученые зап. ЛГУ, История и философия стран Востока, Л., 1952. Данные Сасанидского судебника о печатях и их применении в судебной и административной практике ныне сопоставляются с иранскими печатями, употреблявшимися в VI—VII вв., которые найдены в Каср-и Абу Насре—местности, которая входила в округ Арташир-Хварре, где был создан Судебник. См. В. Г. Луконин, Новые работы по сасанидской глиптике, ВДИ, 1976, № 1, с. 165.

В литературе о сасанидских буллах относительно их применения имеются разные, иногда противоположные мнения. Однако обилие материала, в особенности из Каср-и Абу Насра и Тахт-и Сулеймана, позволяет рассмотреть точки зрения исследователей в их совокупности и показать различные методы применения булл, исходя из внешних признаков конкретного материала, содержания и изображений печатей.

Рассмотрим эти мнения, увязывая их как с отдельными печатями и буллами, так и с различными социально-экономическими явлениями и отношениями.

Р. Гебль, рассматривая в одной из своих статей буллы, найденные в Тахт-и Сулеймане, высказывает мысль, что они свисали с документов, т. е. буллами скреплялись документы разного значения, большая часть которых—не местного происхождения. То, что часть булл не местного происхождения, доказывается и Науманом на основе различия качества глины. Гебль отмечает, что важность документов обуславливается количеством лиц, принимавших участие в их утверждении. Для подтверждения этой своей точки зрения он считает важным обстоятельством обнаружения булл на ограниченной площади—в небольшой комнате³.

Р. Фрай, признавая, что буллы применялись при утверждении документов, одновременно является сторонником той точки зрения, согласно которой буллы в основном применялись во время торговых сделок⁴, т. е. ими опечатывались те товары, которые участвовали в международной транзитной

³ См. R. Göbl, Die Sasanidischen Tonbullën..., с. 104—106.

⁴ См. R. N. Fray, The use of Clay Sealings in Sasanian Iran, Proceedings of 1st International Congress of Iranists, Teheran, 1968; *его же*, Inscribed Sasanian Seals..

торговле. В тот период транзитная торговля совершалась посредством «торговых компаний», находившихся под покровительством государства. Этот тезис в основном разделяет и П. Харпер⁵. Свою точку зрения Р. Фрай весьма обоснованно доказывает как письменными свидетельствами, которые сохранились относительно торговых отношений сасанидского и послесасанидского периодов, так и внешней физической характеристикой самих булл.

В. Луконин, правильно подходу к сути вопроса, в своих многочисленных работах, посвященных сасанидской глиптике и социально-экономическим вопросам Ирана⁶, считает документы, к которым были прикреплены буллы, юридическими. Свой тезис В. Луконин подтверждает преимущественно данными правовых источников, в первую очередь—Сасанидского судебного и сирийского законодательства, и широко использует встречающиеся на печатях надписи и изображения. Здесь мы наблюдаем комплексную систему постановки вопроса, которая включает в себя различные явления в пределах данного материала. Точка зрения В. Луконина не исключает применения булл в торговых сделках. Напротив, он считает, что большими буллами скреплялись торговые тюки, после реализации которых буллы хранились в архивах, в качестве своеобразных отчетных документов в целях обеспечения неприкосновенности прав пайщиков-компаньонов. Это очень интересный довод, который позволяет глубже проникнуть в торговые сношения страны.

В. Г. Луконин («Парфянская и Сасанидская административная система», Cambridge Ancient History of Iran, vol. III, в печати) и Р. Н. Фрай («Inscribed Sasanian seals from the Nayeri Collection»; «Sasanian Clay sealings in the Collection of Mohsen Foroughi», Opera Minora, Shiraz, 1976, с. 213—235) отмечают, что среди большого количества булл (Р. Фрай предпочитает называть их не буллами, а «глиняными лепешками для опечатывания») нужно различать: 1) небольшие, часто—очень маленькие по размеру глиняные лепешки из особо тонко отмученной, светло-голубой глины с *одним оттиском* печати, которые, как это доказывается, например, остатками документов из кожи в коллекции Наира, прикреплялись к документам тонкими полосками кожи или нитью.

⁵ См. Sasanian Remains from Qasr-i Abu Nasr, с. 42—44.

⁶ См. В. Г. Луконин, Сасанидские буллы; его же, По поводу булл из Ак-депе; его же, Iran, II, и др.

2) Большие комки глины, снабженные многими оттисками (иногда—более 40) из более грубой глины, часть—обожженные, которые служили различным целям (опечатывание кладовых, тюков с товарами, различных крупных сосудов и т. д.). Интересно отметить, что при раскопках Ак-Деде (Туркмения), где было найдено свыше 100 булл, представлены оба типа (в том числе—одна из булл первого типа опечатывала стеклянную пробирку—контейнер, в которой некогда хранился документ).

При настоящем уровне изученности этого материала, по-видимому, следует считать эти выводы об использовании различных булл наиболее вероятными.

Весьма интересно выяснить, где именно изготовлялись такие буллы: там, где они были найдены (Каср-и Абу Наср, Тахт-и Сулейман, Ак-Деде и т. д.) или же, по крайней мере, часть из них привозилась из других мест.

Этот вопрос в особенности важен для булл второго типа, ибо здесь необходимо считаться с тем, что вещи, которыми они опечатывались, должны были представлять громоздкие предметы (например, тюки с товарами или иные контейнеры большого размера), поскольку крупные толстые глиняные лепешки (в Тахт-и Сулейман, например, диаметром более 7 см при толщине более 3 см) могли удержаться только на подобных контейнерах.

Судя по опубликованным материалам, большая часть таких булл изготовлялась на месте. Об этом можно судить по так называемым официальным печатям (только с надписью), где указывался район и город, в котором служил тот или иной чиновник. Так, например, в Тахт-и Сулейман печать с надписью в центре *twly ZY gwšnspr*, по кругу: *PW BYT'y ZY' twly ZY gwšnspr mgwpt*—«Огонь Гушнасп, магупат дома (=храма) огня Гушнасп», снабжены 25 булл; из более чем сотни булл Ак-Деде на 18 имеется официальная печать с названием района, куда входил этот замок—Серхас, Апаварт. Однако, как уже говорилось, и в Тахт-и Сулейман, и в Ак-Деде, да и в Каср-и Абу Наср (одна из официальных печатей указывает район Кермана) имелись буллы, привезенные из других мест.

Трудно предположить, что в маленьких помещениях Каср-и Абу Наср, Ак-Деде и Тахт-и Сулейман, где были найдены сотни больших и тяжелых булл, могли храниться и сотни громоздких контейнеров, которым они принадлежали. Скорее следует полагать, что эти буллы хранились здесь уже отделеп-

ными от тех предметов, которые они когда-то печатавали.

Что касается оттисков так пазываемых частных печатей на буллах, то здесь картина еще сложнее. В дальнейшем будет показано, что в Двине на некоторых буллах оттиснуты те же самые печати, того же владельца, что и на буллах Каср-и Абу Наср (район современного Шираза) и Тахт-и Сулейман.

В этом случае скорее можно предполагать путешествие на далские расстояния именно булл, а не владельцев печатей, на них оттиснутых. Нужно заметить, что повторяющиеся печати оттиснуты как раз на таких буллах, которые могли печатывать тюки с товарами.

Все приведенные данные не исключают возможность считать, что часть булл хранилась уже отделенными от тюков именно в тех пунктах, где начинался путь этих тюков, т. е. в торговых городах или селениях—резиденциях членов «торговых товариществ». Буллы сохранились там потому, что служили отчетными документами этих торговых операций.

Таковы те основные точки зрения, которые имеются относительно применения булл, исходя из возможностей совокупного материала булл. Найденная в Минигеауре единственная булла и часть собрания из Ак-Депе также относятся к торговым сделкам, как это правильно замечают исследователи (И. Бабаев, А. Губаев).

Поскольку основным материалом нашего исследования являются буллы, найденные в Двине, мы не можем игнорировать мнение руководителя двинской экспедиции К. Кафадаряна об этом материале. К. Кафадарян в ряде своих статей, как уже было отмечено, коснулся вопроса применения булл и высказал различные мнения. Однако основное положение, которое он изложил в одной из своих последних статей, связано с документами государственного дивана Двина и содержащимися в «Книге посланий», которые были скреплены печатями крупных светских и духовных деятелей страны⁷. К. Кафадарян правильно предположил, что многочисленные находки булл в Двине свидетельствуют о том, что здесь находилось, по-видимому, помещение, центр или архив, в котором была сосредоточена переписка.

В этой связи достойно упоминания свидетельство Себеоса относительно переброски дивана Сюника из Двина в Пайтакаран: «Յայնժամ յառաջ քան զայս (խորր 570—571 թթ.

⁷ См. Ч. 4. Գ. Ղաֆաղադյան, Պետական զիվանի մշակութային հիշատակ, ՊԲՀ, 1974, № 2.

ապսամբության մասին է) ի րաց եկեաց ի Հայոց անուանեալ Վահան իշխան աշխարհին Սիւնեաց, ե խնդրեաց ի հոսորովայ յարթայէն Պարսից, զի տարցէն զդիւան աշխարհին Սիւնեաց ի Դրնայ ի Փայտակարան քաղաք, և կարդեսցէ զքաղաքն շահումար Լաւրպառականի...»⁸ («Перед этим [восстанием 570—571 гг.] Ваган, владелец Сюникской земли, восстал и отделился от армян и просил персидского царя Хосрова, чтобы он архивы Сюникской земли перенес из Двина в город Пайтакаран и город внес в границы [շահումար] Атрпатакана». Себеос, с. 28). К сожалению, разработанный К. Кафадаряном тезис относительно булл односторонен.

Ст. Малхасянц очень метко заметил в связи с свидетельством Себеоса, что здесь речь идет о налоговом диване Сюника, поскольку город Пайтакаран входит в провинцию Атрпатакан. Ст. Малхасянц отмечает, что правильное толкование слова «շահումար» дано также Марквартом, Адонцем, Маиандяном и другими⁹. Свидетельство Себеоса позволяет предположить, что в центральном диване Двина хранились документы разного рода, среди которых были также обязательства, векселя, привилегии на сбор и уплату налогов.

Интересные свидетельства относительно налоговой политики Сасанидского Ирана сохранились в источниках. В Иране существовала практика, согласно которой право сбора налогов давалось лицу, которое соответствующим опечатанным и подписанным письмом брало ответственность за собираемую сумму и обязывалось уплатить ее в казну. Ярким подтверждением этой политики Ирана является позиция Шапура II в отношении христиан-персидских подданных. Источники отмечают, что Шапур требовал от христиан уплаты налога в двойном размере и вся ответственность за это возлагалась на тизбоиского епископа Симеона. Этот приказ царя был обжалован Симеоном, после чего Шапур отдал распоряжение: «...схватите Симеона, главу иазореев, и не отпускайте его, пока он не поставит печать на собственноручное письмо долговое и не примет на себя двойную подушную подать вдвойне со всего народа иазореев, которые в нашей божественной земле имеются и живут в нашем государстве, и не отдаст ее»¹⁰.

⁸ Սեբեոս, գլ. 2, էջ 27.

⁹ См. там же, с. 177—178, прим. 25; Հակոբ Մանգլյան, Քրիստոնեական տնտեսություն հայ ժողովրդի պատմության, հատոր Բ մասի նյութեր, Երևան, 1960, էջ 91.

¹⁰ Н. Пигулевская, Города Ирана в раннем средневековье, с. 243—246.

Подобная налоговая политика осуществлялась не только в отношении христиан в самом Иране, но и в Армении. Сразу же после падения Арпакидов, во второй четверти V в., персы провели в стране новую перепись с целью определения размеров налогов и упорядочения их сбора¹¹. Египте сообщает, что одним из следствий этой переписи явилось повышение налогов. Он считает, что целью этого мероприятия было разорение шиитов. Налоги были очень тяжелыми — там где надо было взимать сто дахеканов, брали вдвое больше. Налогами были обложены даже представители духовенства: «Բայց սակայն թէպէտ և ամենայն զործքս այս դժնեաց էին, չէ էր ուրուք ձեռն արկեալ յայտնի յեկեղեցին. վասն այնորիկ և ոչ որ ընդդիմացաւ նմա, թէպէտ և էր ծանրութիւն հարկացն: Քանզի ուստի արժան էր առնուլ հարկը դահեկանաւ չափ, կրկին առնուին»¹²: («Но, однако, хотя все эти дела были тягостны, никто открыто не посягал на [право] церкви; вследствие этого никто и не воспротивился ему, хотя и произошло утяжеление податей. Ибо с чего следовало брать в размере ста дахеканов, взимали вдвое»¹³). Египет, с. 39).

Не меньший интерес представляет также свидетельство Себеоса о почестях, оказанных Хосровом Ануширваном Смбату Багратунни: «Ճայնծամ տայ նմա արքայ զտանուէրութիւն՝ որ անուանեալ եռարով Շում, զարգարէ ի քաղաքս, ի գտակ և ի պատմութեան բեհեզայս յովկոյ ածեալ, մեծացուցանէ ահագին պատուաք ի ճամբար ականակապ և ի զամարաակ, և ի գահու արծաթիս. արձակու ի նա զվաճառն փորր, զդիւան աշխարհին»¹⁴: («Тогда царь пожаловал ему нахарарское звание, которое называлось Хосров-Шум, чудно его нарядил в васонную, златотканную шапку и накидку, возвел на чрезвычайными почестями, головной повязкой, унизанной камнями, ожерельем и серебряным седалником, представил ему малый торг и подати страны». Себеос, с. 58).

Здесь речь идет об исключительной привилегии, т. е. Смбату предоставлялось право распоряжаться частью дворцовых податей в пределах марзпанства. Диван являлся канцелярией дворцовых доходов, а «малый торг» — «զվաճառն փորր» — видимо, особый вид этих доходов (возможно, от торговли или пошлин).

Ст. Малхасянц по этому поводу дает

¹¹ См. Н. Адонц, Армения в эпоху Юстиниана, Ереван, 1971, с. 481.

¹² Եղիշե, էջ 23.

¹³ Սեբեոս, գլ. ԻԶ, էջ 66.

следующее разъяснение: «В армянском тексте «...արձակու ի նա զվաճառն փորր, զդիւան աշխարհին» буквально «опускает ему малый торг, архив страны». Неясно, что подразумевает Себеос под «малым торгом» и под «архивом страны». Имея в виду ..., что архивы содержали, между прочим, делопроизводство по взиманию податей, мы по догадке перевели так. По нашему мнению, Хосров представил Смбату право, в пределах его марзпанства, собирать подати (=«архивы страны») и взимать некоторые сборы с привозимых товаров (=«малый торг»)»¹⁴.

Внутренние реформы Хосрова, которые относились и к налоговой политике, включали также Армению, особенно во второй половине VI в., когда после восстания Вардана Мамиконяна (Кармир Вардан) страна на некоторое время оказалась под владычеством Сасанидов. Себеос прямо упоминает чиновников, занимавшихся налоговыми делами, которые были назначены Хосровом. Они назывались «хамаракарамн»¹⁵ — пехлевийский термин, обозначающий «счетчик», т. е. главный чиновник по доходам и расходам государства¹⁶. Историк отмечает, что армянское войско «ахуи и зхуи»¹⁷ (армяне и зхуи) «захватило также царскую казну, собранную из податей той страны, хранящуюся в доме казначея (hamarkag) и пустилось в путь по направлению к укрепленной стране гелумов». Себеос, с. 54).

Свидетельство Себеоса о «хамаракарах» становится достоверным, когда обращаемся к соответствующим статьям Сасанидского судейника¹⁸. В одной из них прямо сказано, что «хамаракары» компетентны также и в числении и в сборе («получении») подати («налогов»)»¹⁹.

Двин, по всей вероятности, являлся одним из тех центров Армении, в котором сосредотачивалась собранная подать. Возможно, именно к этому надо отнести то упоминание, которое опять-таки относится к восстанию Вардана в 571—572 гг., когда «զեկեղեցի արրոյն Գրիգորի, որ շինեալ էր մերձ ի քաղաքս, էին աղաքեալ համարաւոնցս Պարսիկքն, հարին հուր և այրեցին. վասն որոյ եղև նոցա խռովութիւն մեծ»²⁰: («...персы, которые

¹⁴ Себеос, рус. пер. Ст. Малхасянца, с. 162.

¹⁵ Սեբեոս, գլ. ԺԴ, ԻԱ.

¹⁶ См. Զ. Անայան, Հայերեն արձագանքի րաւարան, Գ. հատոր, Երևան, 1977, էջ 23.

¹⁷ Սեբեոս, գլ. ԻԱ, էջ 60.

¹⁸ См. Сасанидский судейник, 93, 4—9.

¹⁹ См. там же, А—28, 3—5.

²⁰ Սեբեոս, գլ. Զ, էջ 27.

церковь св. Григора, построенную близ города, превратили в складочное место, теперь подожгли и сожгли ее, от чего произошла большая скорбь». Себеос, с. 29). И не случайно, что Вардан и его единомышленники «*առին զաւար բազում և գինգին ի ծախալսթին Յակար*»²¹: («...захватили много добычи и пошли на службу грекам». Себеос, с. 28).

Все эти события и источники относятся к одному историческому периоду, который в хронологическом отношении связан с находками булл. Можно предположить, что часть найденных в Двинах булл связана непосредственно с налоговым делом. Трудно по оттискам печатей определить их принадлежность, однако та статья Судебника²², в которой говорится о выдаче «намаракарам» официальных печатей, в какой-то степени может быть сопоставлена с некоторой частью булл.

Это же явление можно наблюдать и в Тахт-и Сулеймане, который, будучи одним из крупных культовых центров Сасанидского Ирана, мог сосредоточить и хранить также всю переписку, относящуюся к налогам. По-видимому, Тахт-и Сулейман, выступавший в роли крупного хозяйства, восполнял свои доходы в форме налогов. Только таким образом можно объяснить происхождение части булл с обширной географической территорией (об этом можно судить по надписям).

Сравнение сасанидских булл Двина с буллами Каср-и Абу Насра и Тахт-и Сулеймана выявляет ряд особенностей. Во-первых, на буллах Двина очень редко встречаются надписи (на 20 из общего числа 138). Подавляющая часть надписей является изречениями духовного или светского характера, может быть и имениями, которые иногда ограничиваются одним словом или фрагментом. Эти надписи трудно читаются, так как плохо сохранились, и их расшифровка требует длительного кропотливого труда²³. На буллах Двина не встречается ни одной печати, которая принадлежала бы высокопоставленным персидским светским и духовным лицам. Иначе говоря, для этих булл не характерна принадлежность к государственным или храмовым ведомствам, которые осуществляли надзор над различными областями внутренней жизни.

Тщательное изучение булл Каср-и Абу Насра и Тахт-и Сулеймана позволяет выявить весьма ценные сведения о географиче-

ской номенклатуре, административном делении и должностях Сасанидского Ирана. Большая часть их имеет официальные печати и принадлежала знатым лицам, игравшим важную роль во внутренней жизни страны.

Многие исследователи четко указывают на различия, которые имеются между официальными и личными печатями. На греческих геммах, которые принадлежали частным лицам, изображены головы людей, животные и различные сцены. Печати без изображений, только с надписями, в греческом мире не имелось. Селевкиды следовали этой традиции, однако здесь уже на официальных печатях ставилась только подпись или монограмма.

Впоследствии, под воздействием восточной глиптики, на греческих геммах селевкидского периода встречаются религиозные изречения с изображениями. Даже в этом случае официальные печати отличались от личных стилистическими особенностями, размером или характером изображения²⁴.

Эти явления и традиции продолжались и при Сасанидах. На официальных сасанидских печатях имеются лишь подписи или инициалы. Изображения божеств, людей или животных высказываются только на личных печатях. На печатях более позднего периода (VI—VII вв.) появляются изображения магов и прочих представителей зороастрийского духовенства, а также изображения светских лиц²⁵. Р. Гебль отмечает, что подобно тому как величина буллы обусловлена важностью опечатываемого документа, так и размер геммы свидетельствует о статусе ее владельца²⁶.

Преобладающее большинство печатей, оттиснутых на буллах Двина, должно принадлежать к категории личных печатей. Это в первую очередь определяется наличием на них изображений растений и животных, отсутствием подписей, а также размерами печатей. Однако из общей группы выделяются пять булл, на которых имеются официальные печати. Три из них имеют только над-

²⁴ См. М. I. Rostovtzeff., *Seleucid Babelonia bulla and seals*. „Late Classical Studies“, New-Haven, III, 1932, с. 19 и сл.

²⁵ См. Р. Фрай, *Наследие Ирана*, М., 1972, с. 293—297; *его же*, *Sasanian Remains from Qasr-i Aba Nasr*, с. 47—50. В этой своей работе Р. Фрай относит к числу личных также печати с монограммами и аббревиатурами.

²⁶ См. R. Göbl, *Die Sasanidische Tonbullen...*, с. 102. Последнее замечание вряд ли соответствует действительности. Скорее здесь имела значение ценность камня, на котором вырезалось изображение.

²¹ Там же.

²² См. Сасанидский судебник, 93, 4—9.

²³ Надписи на оттисках двинских булл были расшифрованы В. Г. Лукониным.

писи и являются печатями канцелярии. Подобные официальные печати известны также из Каср-и Абу Насра.

Оба оттиска дефектны, и надписи не сохранились полностью, но тем не менее они чрезвычайно интересны. В. Лукоини предложил предварительное чтение надписи на одной из этих булл (табл. VI, 52, XV, 13):

Центр: 'lmpy. Край: [l]mny gwndy ZY ktk ZY... [или ZY ktkhw [t'yh?], т. е. Центр: *Армения*. Край: *дом²⁷ армянского войска...* (вряд ли титул kadag xwaday),

Дефектность надписи не дает возможность ее окончательной расшифровки. Совершенно ясно, однако, что данная печать принадлежит к распространенному типу сасанидских официальных печатей, в центре которых вырезалось название провинции (в сасанидское время: štry—шахр, или более мелкая единица kwst—район, или, наконец, название крупного административного центра, например byšhrwgr—город Бишапур), а по краю давался титул крупного чиновника (имя никогда не указывалось).

В данном случае указан шахр *Армения*, понимаемый именно как один из шахров (центров), входящих в сасанидское государство. Что касается надписи по краю, то бесспорно можно сказать, что имеется в виду какая-то *военно-административная* единица (gwnd=полк, отряд, ср. арм. գնդ).

Учитывая точную датировку этой буллы (на булле еще три печати, на одной из них также только надпись—в силу плохой сохранности прочесть ее не удастся), вероятно, будут полезны исторические разыскания в армянских источниках. Пока можно лишь сказать, что это—печать центральной сасанидской канцелярии в Армении, связанной с военным ведомством (канцелярия сасанидского военного гарнизона?). Две другие печати имеют ишаны с надписями и, несомненно, принадлежали магам, т. е. ими опечатывались документы религиозного и судебного характера.

Сасанидский судебник не отрицает того факта, что печати магов и судей (судебное дело было возложено преимущественно на духовенство) были официальными²⁸. Интересно, что на печати мага Фарса была выгравирована надпись о том, что он выступает в защиту обездоленных.

А. Перихаян очень метко замечила, что Фаустос Бузанд, характеризуя католикоса

Нерсеса, представляет его как «апологега всех обездоленных»²⁹. Факт интересен тем, что та роль, которую играли маги в духовной и судебной жизни Ирана, в Армении выполнялась христианским духовенством. На основании этого можно смело сказать, что встречающиеся на буллах оттиски с изображением креста принадлежали духовным лицам и, по всей вероятности, были официальными печатями. Примечательно, что на буллах, найденных в нехристианской среде, как это видно по среднеазиатским и персидским собраниям, почти отсутствуют печати со знаком креста, в то время как печати с ишанами, принадлежавшие магам, оттиснуты в обязательном порядке на больших буллах. Это явление позволяет полагать, что в Двине в качестве официальных лиц при утверждении различных актов выступали местные церковные деятели, или же те буллы, которые имеют бесспорно иностранное происхождение, привезены из христианских районов Сирии или Ирана. Выяснить, какое участие в утверждении документов в Двине принимали светские официальные лица—невозможно, хотя на некоторых буллах, как было отмечено, встречаются повторения обыкновенных печатей.

Буллами Двина несомненно скреплялись документы самого различного содержания, восстановить которые невозможно. Однако эти буллы, их внешние признаки и следы на обороте позволяют выделить некоторые группы, основываясь на вопросах применения булл. Как уже говорилось, среди булл, найденных как в Двине, так и в других местах, можно выделить те образцы, которые связаны с торговыми сделками, т. е. они являются товарными буллами. Мы отмечали выше, что в том слое, в той комнате, где были обнаружены буллы Двина, найдены остатки кожи, корзины, полотна и зерна, что говорит о том, что частью булл были опечатаны тюки, мешки, какие-то объемистые предметы, в которых были продукты, товары и т. д. С другой стороны, на буллах заметны следы этих предметов.

Весьма интересные свидетельства относительно опечатывания товарных тюков сохранились в источниках.

Историк XII в. Ибн ал-Балхи, описывая способ изготовления в городе Казерун специального полотна, в частности, отмечает: «Инспектор от казначейства осуществляет надзор, а посредники устанавливают настоящую цену ткани, опечатывая кипы, прежде чем их вручат чужеземным купцам. Последние полагались на маклеров и покупали эти

²⁷ См. D. N. Mackenzie, A Concise Pahlavi Dictionary, London, 1971, с. 49, «Kadag [ktk] hause».

²⁸ См. Сасанидский судебник, 93, 4—9.

²⁹ Там же, с. 466.

необшитые кипы в том виде, как они перед ними лежали, а в каждом городе, куда эти кипы доставляли, интересовались исключительно лишь сертификатом казерунского маклера и продавали кипы, не вскрывая. Таким образом, нередко случалось, что партия казерунских кип свыше десятка раз переходила из рук в руки, причем кипы так и не распечатывались. Но теперь в эти последние дни появился обман, люди стали нечестными и пропало всякое доверие, ибо товары с печатью казны зачастую оказывались низкосортными, и поэтому чужестранные купцы стали избегать казерунских изделий»³⁰.

Традиция употребления булл при торговых сделках была столь сильной, что некоторые сведения об этом сохранились и в пародном творчестве. В одной из сказок прямо отмечается: «Ала ад-Дину показали груз всех сорока верблюдов: тюки на них были запечатаны и на каждом из них указана стоимость»³¹.

Свидетельства о подобных торговых сделках и товарных буллах весьма немногочисленны. Источники в первую очередь говорят о ткачестве, которое почти во всех персидских центрах было сосредоточено в руках дворцового казначейства. Производство тканей в Сасанидском Иране было одной из важных отраслей производства, надзиравлось со стороны двора и являлось одной из важных статей экспорта. Для выяснения значения некоторых групп булл очень важно рассмотреть различные вопросы городской торговли, ремесел Ирана, обратив особое внимание на роль ремесленных и торговых товариществ.

В раннее средневековье в странах Ближнего Востока велась весьма оживленная торговля. В широкую сферу обмена были вовлечены многие города и провинции. Шла сильная конкуренция между Ираном и Византией, в особенности из-за дорогостоящих предметов и вещей, из которых большой известностью пользовался ввозимый из Китая и Средней Азии шелк.

Крупным центром ткачества считалась в Иране провинция Хузистан. Производство дорогих шелковых тканей пережило в Иране бурный рост после походов Шапура II, когда из разных стран, в частности из Сирии, были пленены и перевезены в Иран

мастера этого дела. Среди них можно упомянуть пекогю Пусика (Поси), о котором в источниках имеются многочисленные упоминания. В производстве шелковых тканей большую роль играли дворцовые мастерские. Сасанидские цари всегда держали в своих руках производство драгоценных тканей, усматривая в нем большой источник дохода.

Для раннефеодального периода Ирана характерна роль, которую играл царь в создании новых городов, открытии мастерских, часть продукции которых удовлетворяла потребности двора, а другая часть, несомненно, вовлекалась в торговую сферу³².

При Сасанидах городское ремесло носило товарный характер³³. Товар реализовывался непосредственно ремесленником или же вывозился и продавался торговцем—посредником. По-видимому, городское ремесло в какой-то мере было обособлено от сельского хозяйства. А в селах и общинах хозяйство носило натуральный характер, и ремесла не были отделены от сельского хозяйства. Сельскохозяйственная продукция также в некоторой степени имела товарный характер, продавалась в городах царства, а часть вывозилась. Известны знаменитый рынок столицы—Тизбона, большой рынок сельскохозяйственных продуктов в Хамиде³⁴.

Несмотря на то, что часть городского населения была связана с процессом товарного производства, тем не менее основа хозяйства сасанидского Ирана была натуральной³⁵. Это были процессы, связанные с развитием производительных сил и производственных отношений, расцветом городской жизни³⁶. Историческое развитие показывает, что и в Иране, и в Армении имелись все данные для перехода от натурального хозяйства к широкому товарному производству уже в раннем средневековье, когда ремесла должны были отделиться от сельского хозяйства. Этот глубокий процесс был, по-видимому, отодвинут на два столетия вследствие походов арабов.

Весьма интересные свидетельства относительно внутренних организационных вопросов торговли и ремесел Ирана содержат юридический сборник Ишобохта и другие сирийские источники, подробно проанализи-

³⁰ Адам Мец, Мусульманский ренессанс, М., 1973, с. 367.

³¹ «Подлинные рассказы о могущественном халифе Харун ар-Рашиде, остроумном Абу Нувасе и хитроумном Джухсе», М., 1976, с. 39.

³² См. Н. Пигулевская, Города Ирана..., с. 242.

³³ См. там же, с. 252.

³⁴ См. Н. Пигулевская, Месопотамия на рубеже V и VI вв., М.—Л., 1940, с. 80, 122.

³⁵ См. Н. Пигулевская, Города Ирана..., с. 253.

³⁶ См. Р. Ы. Առաքելյան. Քաղաքները և արհեստները Հայաստանի IX—XIII դդ., հ. 1, Երևան, 1958.

рованые Н. Пигулевской³⁷. Для нас представляют интерес те проблемы, которые связаны с ремесленными и торговыми товариществами.

Тот факт, что в Сасанидском Иране ремесленники были объединены в отдельные организации, так называемые цеха, зафиксирован в источниках. Отдельные отрасли ремесла возглавлялись старшинами, главными ремесленниками. Поэтому не случайно, что часто встречаются такие выражения, как «старшина серебряников», «глава ювелиров» и т. д.³⁸ — в стране, где ремесла, связанные с металлом, достигли столь высокого уровня развития.

Имются свидетельства, что в цеха были организованы представители и других ремесел, как, например, пекари. Все ремесленные цеха и корпорации имели свою внутреннюю структуру, а члены — определенные обязанности. Они селились в определенных кварталах города, согласно ремеслам, их работа находилась под строгим надзором государства, в городах этот надзор осуществлялся управленческим органом. Пусик (Поси) был «начальником ремесленников» — «каругбедом» (специальная должность, созданная при дворе). «Каругбед» Вардаб упоминается в числе подписавшихся под деяниями несторианского собора 544 года³⁹.

Торговля также производилась посредством товариществ. У Ишбохта подробно излагается устав такого товарищества. В статьях Сасанидского судебного кодекса имеются многочисленные упоминания о торговых организациях и об их внутренних порядках. Товарищество («hambayih») по своему характеру отличалось от общины, но своим отношением к собственности где-то приближалось к ней. В него входили пайщики, которые делили доход в соответствии с размером своего вклада. Это явление, как было отмечено, заметно на товарных буллах, когда встречаются несколько оттисков одной печати. Это связано с простой сделкой, когда данный пайщик, член товарищества, числом оттисков своей печати удостоверяет, сколько долей принадлежит ему, согласно чему и должен производиться дележ дохода после реализации товара. В этом смысле буллы весьма рельефно отражают права

членов товарищества и некоторые вопросы внутренней структуры этих товариществ.

Формирование феодального общества в Армении происходит в период Аршакидов и фактически завершается в V веке. С утверждением христианства (IV в.) господствующий класс приобрел соответствующее идейное оружие. Церковь, в особенности после падения Аршакидов (первая половина V в.), стала мощной феодальной организацией, приобрела крупные поместья, законодательные и судебные функции, стала играть крупную роль в хозяйственной и общественной жизни страны.

С другой стороны, феодализация страны происходила в условиях сильной персидско-византийской конкуренции и борьбы с внешними врагами. Сасанидскому Ирану не удалось сломить сопротивление армян, и страна фактически была самостоятельна, а нахарары сосредоточили в своих руках административные, военные и финансовые дела. В этот период страна переживала большой культурный подъем, широкое развитие получили письменность и литература, архитектура, скульптура, различные прикладные искусства.

Экономическое и политическое развитие Ирана и Армении в раннем средневековье, обладая общими чертами, шло по различным направлениям. Здесь можно лишь отметить, что Сасанидский Иран представлял собой мощное централизованное государство, с сильной сетью государственной администрации. Одну из основ государства составляли крупные города с оживленной торговлей и развитыми ремеслами.

Большой ущерб экономике Армении нанесли походы Шапура II, когда были уничтожены эллинистические города, а городское население угнано в Иран. Это был удар и по ремесленному производству и торговле страны, восстановление которых потребовало большого времени.

В Армении независимость страны сменилась признанием юридической власти нахараров⁴⁰. Ремесла и торговля ослабли, что ускорило переход к натуральному хозяйству.

Продолжительная идеологическая борьба между Ираном и Арменией в некоторой степени способствовала сохранению самостоятельности Армении в различных областях культуры. Тем не менее воздействие Ирана имеет место, оно заметно особенно в искусстве и в быту знати. Влияние сасанидской административной и хозяйственной деятельности также весьма заметно в Армении, по-

³⁷ Н. Пигулевская, Города Ирана, с. 222—225, 253—261.

³⁸ К. В. Тревер, К вопросу о ремесленных корпорациях в Сасанидском Иране, «Эллинистический Ближний Восток. Византизм и Ирак», М., 1967, с. 157. Н. Пигулевская, Византизм и Иран..., с. 228—229; *её же*, Города Ирана..., с. 222.

³⁹ См. К. В. Тревер, указ. соч., с. 160.

⁴⁰ См. С. Т. Еремиш, Опыт периодизации истории Армении эпохи феодализма, ВП, 1951, № 7, с. 55.

сколькo послeдняя находилась в зависимом положении.

Армения являлась одним из центров транзитной торговли между Западом и Востоком. Арташат не утерять своей роли в этой торговле. Об этом весьма четко говорится в кодексе Юстиниана 408/9 г. Согласно договору, заключенному между Византийской империей и Сасанидским Ираном, международная торговля велась в заранее определенных пунктах—Мцбине (Нисибин, Иран), Каллиникуме (на территории империи) и Арташате (Армения)⁴¹. Впоследствии роль Арташата в транзитной торговле перешла к Двину.

После 428 г., когда политический центр страны переместился в Двин, у греческих и римских географов традиционно вместо Двина упоминается Арташат. При арабах Арташат упоминался как предместье Двина. Баладзори называет его «городом красильщиков»⁴² (al-Qirmiz). Относительно торговли в Армении и Закавказье при Сасанидах сохранились значительные данные⁴³. Торговые пути довольно четко обозначены на «Певтингерской карте».

Историк VI в. Прокопий Кесарийский пишет, что в Двине имелось много соседних многолюдных сел, в которых селились прибывшие с торговыми целями многочисленные люди. Торговцы, привозившие товары из Индии, соседней Иверии, всех подвластных Персии стран, а также из Римской страны, именно здесь торговали друг с другом⁴⁴.

Весьма интересная задача относительно торговых путей и опорных пунктов выдвинута Анианя Шпракаци: «Այր մի յիմոց մերձափրաց գումարա լեալ ի Բա՛կ, եզիս մարգարիտ շահուայր, և գարձեալ ի անն և հասեալ ի Գանձակ՝ վաճառեաց զհասարակ մարգարտին զհատն յիսուն դրամ, և եկեալ և նախճաան վաճառեաց զլորրորդ մասն մարգարտին եաթանասուն դրամ զհատն և հասեալ ի Դուին՝ վաճառեաց զերկոսասաներորդ մասն մարգարտին հանու Մանդակունոյ»⁴⁵. («Некий муж из моих ближних, отправившись в Бахл, приобрел цар-

ственный жемчуг. Возвращаясь домой и достигнув Гандзака, он продал половину жемчуга, зерно за пятьдесят драмов, прибыв в Нахчаван, он продал четвертую часть жемчуга, зерно за семьдесят драмса, и, достигнув Двина, он продал двенадцатую часть жемчуга, зерно за пятьдесят драмов...»).

По-видимому, Шпракаци здесь имел в виду важный торговый путь, который шел от Бактрии по южным берегам Каспийского моря к Закавказью. Весьма интересно, что на этом пути упоминаются Гандзак (Тахт-и Сулейман)⁴⁶ и Двин—центры, в которых пайдеи товарные буллы.

Вольщюю ценностью для нас представляет свидетельство, приведенное в «Книге посланий», о том, что, несториане, переселяясь из Хузистана (Хужастана), поселялись в Армении и занимались торговлей: «...եկեալ ընակեցան յաշխարհիս մերում պատճառաւ վաճառաշահութեան», «... որոց ոմանք (նեստորականները—Ս. Ք.) հասեալ յառաջագոյն յաշխարհ մեր, վաճառաշահութեամբ կեցին ընդ հարսն մեր և ընդ մեզ...»⁴⁷. («Прибыв сюда из-за выгоды, поселились в стране нашей..., кои из которых, прибыв в страну нашу в прежние времена, с выгодой остались жить с нашими отцами и с нами...»).

Это имело место в 40-е годы VI века, в период правления персидского царя Хосрова I.

Многочисленные материалы относительно внешней торговли Армении, и в частности Двина, выявлены во время археологических раскопок. К их числу можно отнести стеклянные сосуды, ввезенные из Месопотамии и Сирии, глиняный флакон с изображением св. Андрея малоазийского происхождения, клад серебряных чаш из Нор-Баязета, сасанидские и византийские монеты и т. д.

Сведений относительно внутренней торговли в раннесредневековой Армении несравненно меньше. Они в основном содержатся в церковных каионах. Так: «Եթէ որ ի քահանայից ի գնել կամ ի վաճառել կրթիցին կամ իշխանաց շրջիցին հարկապահանջս լինելով կամ ստիկան կարգել աշխարհական գործոց, ասէ առնա. «Լավ էր նոցա, թէ ընաւ չէր ծանուցեալ գարգարութեան ճանապարհն». սլնպիսիքն մի լիցին քահանայք, այլ աստուածախարք» Կանոնք Յովհաննու Մանդակունոյ»⁴⁸. («Если кто из свя-

⁴¹ См. Я. А. Манандян, О торговле и городах Армении, с. 108.

⁴² См. Баладзори, Кппга завоевания стран, Баку, 1927, с. 10.

⁴³ См. Я. А. Манандян, О торговле и городах Армении; С. Т. Еремян, Торговые пути Закавказья в эпоху Сасанидов, ВДИ, 1939, № 1, с. 79—97.

⁴⁴ См. Прокопий Кесарийский, История войн римлян с персами, кн. 2, СПб., 1880, с. 182.

⁴⁵ И. А. Ороели, Вопросы и решения вардапета Анианя Шпракаци, армянского математика VII века, Избранные труды, Ереван, 1963, с. 514.

⁴⁶ Н. Адолц, Армения в эпоху Юстиниана, с. 2.

⁴⁷ «Գիրք թղթոց», էջ 70, 72; Տե՛ս նաև՝ Եր. Տեր-Մինասյուն, Նեստորականությունը Հայաստանում 5—6-րդ դարերում, Գրական-բանասիրական հետախուզումներ, գիրք 1, Երևան, 1946, էջ 214—215.

⁴⁸ Կանոնագիրք Հայոց, Բ; Երևան, 1971, էջ 264—265.

щеннослужителей упражняется в торге, либо ходит к князьям по причине сбора податей, либо ставят надсмотрщиков по мирским делам, то говорит тому «Лучше бы такие вовсе не познвали дорогу праведную». Таковы да не станут священнослужителями, а являются они богообманщиками». *Каноны Иоанна Мандакунни*).

Как видим, торговля признавалась лишь светским занятием, и низшему духовному сословию запрещалось заключать сделки. В другом каноне говорилось: «Այլ ոմանք ձիարարժք եւ վաճառականք եւ վաշխառուք փոխանակ կրանաւորութեան՝ շահաժողովք»։ Կսենք ներսիս և ներշաղկոյ⁴⁹: («Некоторые же являются коинозаводческими, торговцами и ростовщиками, вместо священнослужения занимаются сбором выгоды». *Каноны Нерсеса и Нершануха*).

В другом каноне имеется прямое свидетельство о том, что убой и продажа скота были централизованы, для этой цели имелись специальные бойни (Կանոնագիրք Հայոց, Բ, էջ 150).

О роли торговцев в общественной и государственной жизни, о критериях их богатства говорит свидетельство Себеоса. Во время походов императора Константина II армянские нахарары «...укрепились на открытом месте и силой завладели казной, ибо там находилась вся казна страны как церковная, так и кинжеская и купеческая». *Себеос*, гл. XLVI, с. 118. («...ամրացան ի րացուղն, և ընկեցան ի վերայ գանձուցն. զի անդ էին ամենայն գանձքն աշխարհին, եկեղեցւոյ և իշխանաց եւ վաճառականաց»)⁵⁰: В имущественном отношении на верхней ступени имущего класса находились также крупные торговцы.

Свидетельства о внешней и внутренней торговле раннесредневековой Армении содержат весьма ценные материалы об организации торгового дела. Рассмотрим некоторые из них. Из источников явствует, что в армянских центрах, в частности в Двине, торговцами иностранного происхождения были созданы общины, которые находились под государственным надзором и одновременно представляли свои торговые учреждения («товарищества»). Это ясно видно из сообщения Прокопия. Следует считать не случайным проинокновение несториан в Армению с торговыми целями. Несториане играли большую роль в торговле Ирана. Под решениями собраний несториан, помимо духовейства, ставили свои печати и светские

лица, которые выступали в роли «старшин» ремесленников и торговцев⁵¹. Учитывая роль несториан в хозяйстве страны, двор покровительствовал им.

Первые группы несториан проникли в Армению в конце V века. В середине VI в. община несториан настолько возросла, что построила для себя специальную церковь по имени Григора Магачихра Ражика. Армянская церковь вела постоянную идеологическую борьбу с несторианами, но этот вопрос выходит за рамки настоящей работы. Для нас важно то обстоятельство, что несториане переселились в Армению из Хузистапа, который, как было отмечено, являлся одним из крупных торговых и ремесленных центров Сасанидского Ирана. В этом деле им покровительствовал персидский двор, имея, видимо, определенные политические и экономические намерения. Нам представляется, что существует прямая связь между проинокновением несториан и свидетельством ал-Хамадани о строительной деятельности Хосрова I Ануширвана, обороне Двина и развятии в нем торговли, когда он заселил и укрепил этот город⁵².

О широкой торговле, которую вели несториане, свидетельствуют буллы, найденные в Двине и Каср-и Абу Насре, который был расположен недалеко от Хузистана. Эти непосредственные связи выражены наличием одинаковых печатей на буллах, найденных в обоих пунктах⁵³. Повторяющихся печатей четыре. Одна из них—официальная печать, она принадлежала какой-то канцелярии, быть может—торговому «товариществу», имеет фрагмент надписи. Остальные три—личные печати. Эти печати Двина встречаются лишь на товарных буллах, на которых ясно видны следы широких поясков и мешков.

В Двине они встречаются в единичных образцах; почти такая же картина повторяется и в Каср-и Абу Насре, за исключением одной (Д—363), которая оттиснута на пяти разных буллах. Сравнение печатей позволяет определить, какие буллы из Каср-и Абу Насра были торговыми. Тщательный анализ двинских булл и материалов из Тахт-и Сулеймана показывает некоторые сходства между отдельными оттисками. Примечательно,

⁵¹ См. Н. Пигулевская, Византия и Иран, с. 228.

⁵² См. СМОМПК, вып. XXIX, с. 15.

⁵³ Из булл Двина в Каср-и Абу Насре повторяются: 2197/313(17), 315(9), 319/2. См. Sasanian Remains from Qasr-i Abu Nasr. Д—190, 343, 363. Помимо повторяющихся печатей, имеются многочисленные сходства в изображениях.

⁴⁹ Կանոնագիրք Հայոց. Ա; Երևան, 1964, էջ 490.

⁵⁰ Սերբուս, գլ. ԽԶ, էջ 142.

что часть из них повторяются на буллах Двина и Каср-и Абу Насра⁵⁴.

Повторы печатей в разных памятниках, однако, не позволяют выяснить вопросы их происхождения и локализации. Можно предположить, что большие буллы, опечатанные большим количеством печатей, найденные в Двине, происходят из Каср-и Абу Насра и наоборот, а буллами с одной печатью скреплялись письма личного характера или доверенности, адресованные торговым посредникам двух пунктов.

Свои торговые общины в Двине имели, вероятно, сирийцы, которые считались торговым народом Средиземноморья и Ближнего Востока⁵⁵. Связь сирийцев с Арменией имеет весьма глубокие корни, начиная со времен Тиграпа Великого. В последующий период сирийцы обосновались в торговых и ремесленных центрах страны, среди которых главная роль принадлежала Двину.

Факт наличия в Двине сирийских торговцев доказывается и буллами. На одной из товарных булл (2197/313) оттиснуты две печати, сирийское происхождение которых не вызывает никаких сомнений. Одна из них — печать со знаком креста (табл. III, 22, 28), с отдельными буквами, которые не относятся к пехлеви, а напоминают сирийские письмена. Другая печать (№ 9) также не сасанидская, на ней изображена пальма со стреловидным знаком рядом. По своей форме и изображению печать принадлежит к группе сирийских.

Несомненно, что во внутренней и внешней торговле Армении крупную роль играли армянские купцы, хотя прямые свидетельства об этом отсутствуют. Однако те факты, которыми мы располагаем о торговцах, указывают на их привилегированное положение и роль в хозяйстве страны. Во всех случаях, в торговле имела конкуренция, и для того, чтобы выдержать ее, они должны были объединяться в группы, товарищества, которые в Двине находились под надзором городского административного органа.

Вопрос организации производственных групп в раннесредневековой Армении ставился целым рядом исследователей. Правильно отмечено, что подобные группы были широко распространены в стронительном деле⁵⁶. Яр-

ким свидетельством этого являются сотни знаков разных мастеров, сохранившиеся на памятниках. Эти группы имели своих руководителей, которые назывались по-разному: горцакал, востикаш⁵⁷.

О наличии ремесленных групп свидетельствуют два примечательных толкования католикоса Иоанна Мандакуни и историка Лазаря Парбеци: «Կորուսանէ ե զարուստաւորսն սատանայ, եթէ... նախանձու ե շարակնութեամբ զտաղանդն արուստին արգելցուն յայնցանէ՝ որ ուսանելն խնդրեն, որ իրեն զտաղանդաւարսն ւարաստընցին»⁵⁸. («Сатапа погубит ремесленников, если те из-за ревнивой зависти будут скрывать мастерство ремесла от тех, кто ищет его дабы научиться, хотя как обладатели мастерства, они обязаны этому»).

Этого вопроса коснулся акад. В. Н. Аракелян, заметивший, что здесь речь идет о ремесленных группах. Он пишет: «На первый взгляд в этом свидетельстве обращает на себя внимание одна сторона его смысла — что желающим обучиться ремеслу надо идти навстречу, и это является обязанностью людей, которые сами обязаны другим своим мастерством (талантом). Но в этом свидетельстве таится и другая сторона вопроса, которая может быть случайной для отдельных ремесленников, но свойственна группам ремесленников. Она заключается в том, что вне этой группы «из-за ревнивой зависти скрывают мастерство ремесла». («Նախանձու ե շարակնութեամբ զտաղանդն արուստաւորին արգելցուն»).

Если бы это не было распространено, то вряд ли была бы нужда упомянуть об этом в речи мировоззрения повинных⁵⁹.

Свидетельство Лазаря Парбеци о том, что «всякий ремесленник, знаящий свое ремесло и получивший пользу от него, старается и детей своих научить, дабы они здравствовали» («Ամենայն արուստաւոր, որ զիր արուստան ինքն դիտէ ե օգտեալ է արուստէն՝ զնոյն ե որդոց իւրոց կամի ուսուցանել, զի կեցցեն»)⁶⁰, непосредственно связывается с теми частями сборника Ипобохта, которые относятся с правовой точки зрения к взаимоотношениям отца и сына в ремесленных товариществах⁶¹.

Факт наличия отдельных торговых сос-

⁵⁴ См. R. Göbl, Die Tonbullen vom Tacht-e Suleiman, № 85, 269, 271, 690, и т. д.

⁵⁵ Н. Пигулевская, Сирийские источники по истории народов СССР, М.—Л., 1941, с. 5.

⁵⁶ См. Բարկեն Առաքելյան, Հայկական պատկերաբան-դպիր IV—VII դարերում էջ 99; Ստ. Խ. Մեացախանյան, Միջնադարյան Հայաստանի շինարարական գործի կազմակերպման մի քանի հարցերը ե քարագործ վարպետների նշանագրերը, ՊՂԶ, 1958, № 3, էջ 84—104;

⁵⁷ См. Ст. Мнацаканян, указ. соч., с. 89.

⁵⁸ Յովհաննու Մանգակունույ Հայոց Հայրապետի Հառը, Վենետիկ, 1838, էջ 26;

⁵⁹ См. Б. Аракелян, указ. соч., с. 100.

⁶⁰ Ղազար Փարպեցի, էջ 369;

⁶¹ См. Н. Пигулевская, Города Ирана..., с. 256—257.

ловий и групп в Армении подтверждают найденные в Двине буллы. Товарами, которые были опечатаны буллами с большим числом печатей, могли торговать только товарищества, а не отдельные купцы. Это становится ясно, когда внимательно следим за оттисками одинаковых печатей на разных буллах, или же за несколькими оттисками одной и той же печати на одной булле.

В Двине найдены три буллы арабского периода, которые пока являются единственными и не известны ни из одного памятника Востока. Правда, в Каср-и Абу Насре имеется булла с одной печатью с арабской надписью, которая, по выражению Р. Фрая, выполнена «страйным алфавитом, вероятно модслированным из курсивного пехлеви»⁶². Двинские буллы почти все имеют надписи, которые являются либо именами, либо изречениями. Плохая сохранность надписей не позволяет сделать более глубокие выводы⁶³.

Хотя буллы найдены в слое IX в., в Двине, тем не менее изображения и надписи печатей позволяют утверждать, что они датируются VII—VIII вв., а одна из булл (2588/187) имеет оттиски сасанидских печатей. Это явление весьма интересно с точки зрения выяснения персидско-арабских торговых взаимоотношений. Видимо, арабы в начальный период представили армянским и персидским торговцам определенные привилегии. В этом аспекте достойны упоминания договор Хабиба ибн Масламы с жителями Двина, который упоминается Баладзори: «Даю сия грамота Хабибом Ибн Масламой христианам города Дабил, его магам и иудеям как присутствующим, так и отсутствующим, в том, что я гарантирую вам ваши личности и имущества, ваши церкви и храмы и стену вашего города. Вы находитесь в безопасности, и мы обязуемся выполнять договор с вами до тех пор, пока и вы сами

выполняете его и вносите подупиную и поземельную подати...»⁶⁴.

Р. Фрай отмечает, что арабы (особенно при Омайядах и Аббасидах) сохранили некоторые институты сасанидского административного аппарата, действовала та же налоговая система, в обращении были сасанидские монеты⁶⁵. По-видимому, и в торговых отношениях многое сохранилось от сасанидского и впоследствии получило широкое развитие.

Двин в арабский и послеарабский период не утрачивает своего торгового значения. Об этом сохранились многочисленные свидетельства в трудах арабских географов ал-Истахри, ал-Якуби, ал-Мукадаси, Ибн Хаукала и др.⁶⁶ Эти вопросы подробно исследованы⁶⁷ и мы не считаем нужным вновь обращаться к ним.

Арабские буллы Двина—товарные и связанные с торговыми сделками. По своей внешней форме они не отличаются от сасанидских. Разница лишь в том, что здесь подавляющее большинство печатей имеет надписи (25 из 40), изображения имеют лишь пять печатей. Определить, какие из них являются официальными печатями, трудно, кроме одной печати со знаком креста.

Таким образом, найденные в Двине буллы представляют большую ценность для изучения ряда важных социально-экономических вопросов раннесредневековой Армении. Этими материалами могут быть освещены различные проблемы внешней и внутренней торговли страны, ремесел, налоговой политики. Настоящее рассмотрение булл является предварительным и предполагает дальнейшее их изучение.

⁶⁴ Перевод А. Тер-Гевондяна, См. А. Н. Тер-Гевондян, Армения и Арабский халифат, Ереван, 1977, с. 42.

⁶⁵ См. Р. Фрай, Наследие Ирана, с. 329—331.

⁶⁶ См. СМОПГК, вып. XXIX, XXXVIII.

⁶⁷ См. Я. А. Манандян, О торговле и городах Армении; А. Н. Тер-Гевондян, указ. соч., с. 62—67, 202—210.

⁶² См. Sasanian Remains from Qasr-i Abu Nasr с. 58, D 195.

⁶³ Надписи на арабских буллах расшифрованы О. Большаковым и Л. Гюзальном.